

Нигде не используется критерий изменения характера власти, положенный в основу определения мегатрендов геополитического развития разработчиками доклада «Глобальные тенденции: парадокс прогресса». Если первые два сценария «Остров» и «Орбиты» еще можно сопоставить с кавказскими сценариями, например, рассматривая в российских вариантах условия их реализации, где некоторым образом затрагивается тема организации власти, то третий сценарий «Сообщества» не имеет у нас аналогов. Причина очевидна: ни на региональном, ни на федеральном уровне власть в России не поддается в полной мере контролю со стороны гражданского общества, тем более не допускает роста влияния на принятие решений со стороны сетевых сообществ, объединенных горизонтальными отношениями.

Библиографический список

1. *Розин М.Д.* Современный Северный Кавказ между системным кризисом и инерционным развитием / М.Д. Розин, С.Я. Суций // Инженерный вестник Дона, 2012.
2. *Абрамов Р.Н.* Новый этап развития Северного Кавказа / Р.Н. Абрамов // Вестник Мордовского университета, 2010.

ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА КАК ЭТНОГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ

*С.П. Поцелуев, д-р полит. наук, профессор,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)*

Аннотация. Рассматриваются де-факто государства южного Кавказа, играющие важную роль во всей системе геополитических отношений региона. Де-факто государства рассматриваются как определённые этнические и геополитические аномалии. Политологический анализ проводится в отношении как теоретических вопросов существования данных государств, так и в отношении политических практик. Изучаются вопросы соотношения внутригосударственной и внешнеполитической легитимности де-факто государств.

Ключевые слова: де-факто государство, мировая политика, геополитика, конфликт, легитимность, аномалия.

DE-FACTO OF THE STATE OF THE SOUTH CAUCASUS AS ETHNOGEOPOLITICAL ANOMALIES

*S.P. Potseluev, Doctor of Political Sciences, Professor,
Southern Federal University
(Rostov-on-Don)*

***Annotation.** The article deals with the de facto states of the South Caucasus playing an important role in the whole system of geopolitical relations of the region. De facto states consider the author as certain ethnic and geopolitical anomalies. The political analysis is carried out in relation to both the theoretical questions of the existence of these states and to political practices. The issues of correlation between the internal and external political legitimacy of de facto states are being studied.*

***Key words:** de facto state, world politics, geopolitics, conflict, legitimacy, anomaly.*

После распада СССР Южный Кавказ превратился в один из наиболее конфликтогенных регионов планеты, причем все крупные этнополитические конфликты не нашли здесь удовлетворительного решения, оставаясь в «замороженном состоянии». Данный статус конфликтов в Закавказье выражается в наличии непризнанных/частично признанных государств – Абхазии, Нагорно-Карабахской Республики и Южной Осетии. Эти государственные образования мы квалифицируем как *этногеополитические аномалии*, исчезновение которых возможно, по нашему мнению, лишь посредством образования вокруг их территорий региональной *геополитической идиомы*.

Целью нашей статьи является обоснование данного тезиса.

Этногеополитические аномалии: условия их возможности. Прежде всего, наше понятие этногеополитической аномалии не следует путать со сходными выражениями, встречающимися в политической публицистике разных направлений. Например, один эксперт назвал Беларусь «геополитической аномалией» для России [1]; другой же квалифицировал в качестве «геополитической аномалии» Крым, но теперь уже для Украины [2]. Однако в обоих случаях геополитическая «аномальность» связывается с чисто ситуативными политическими факторами. В этой связи сразу же заметим, что не каждый этнополитический конфликт, даже если он сопряжен с образованием непризнанных или частично признанных государств, представляет собой упомянутую аномалию. Для последнего

необходим ряд условий. И *первое* из них состоит в релевантном геополитическом статусе региона, где разворачивается этнополитический конфликт с образованием непризнанных государств.

Геополитическая значимость Южного Кавказа традиционно связывается с его статусом «евразийского пограничья», где сталкиваются интересы многих могущественных держав. По мнению ряда кавказоведов, данный регион в известной мере вернулся в эпоху «большой игры (Great Game)» [3] или даже в более раннюю ситуацию VIII–XIX веков, когда он был ареной соперничества между царской, османской и персидской империями [4]. О существенности геополитических интересов приграничных с Южным Кавказом стран – России, Ирана и Турции – нет нужды говорить: они очевидны, хотя и не просты. Но в начале XXI века здесь всё активнее заявляют о себе и западные игроки. По словам российского историка и политолога С. Маркедонова, «после приема в ЕС в 2007 году Румынии и Болгарии, Евросоюз считает Черноморье, куда включает все кавказские государства (хотя Азербайджан выходит к другому морю, Армения вообще ни к какому не выходит) Черноморским регионом Европы. И уже Европа говорит о себе как о региональном акторе, который здесь всерьез и надолго» [5].

Далее, виды на Южный Кавказ имеет и предложенный в первой половине 2000-х годов американский концепт «Большого Ближнего Востока». Данное понятие было использовано администрацией Буша-младшего, в рамках так называемой Программы для Большого Ближнего Востока [The Greater Middle East Initiative] [6]. Эта гегемонистская стратегия широко использовала риторику борьбы против исламского терроризма и продвижения демократии в странах Востока. Хотя объем термина «Большой Ближний Восток» никогда строго не определялся, обычно в него включали (в отличие от традиционного «Ближнего Востока») весь арабский мир, а также Афганистан и Пакистан. Но некоторые авторы толковали этот

концепт еще шире, относя к нему Кавказ и Среднюю Азию¹. Тем самым обсуждаемые нами постсоветские закавказские государства уже с середины 2000-х годов оказывались частью геополитической стратегии США. Один немецкий политолог пронципательно заметил в то время, что «в течение нескольких лет, если не десятилетий, Средний Восток станет фокусом международной геополитики, и тем самым в значительной степени будет определять отношения между Европой и Америкой» [6]. Следует также иметь в виду, что Южный и Северный Кавказ входят в состав Кавказско-Каспийского региона, богатого углеводородными ресурсами. Это делает Кавказский регион также интересным для Китая и Японии.

Второе важное условие для квалификации полностью либо частично непризнанных государств как этногеополитических аномалий составляет их достаточно высокая внутренняя легитимность, что не дает основания называть их *псевдогосударствами*, поскольку данный термин представляет эти образования как нечто мнимое и нелегитимное. В литературе существует целый ряд терминов, которыми обозначаются такого рода территориально-политические единицы. Помимо «псевдогосударств» [7], говорят также о «непризнанных» и «сепаратистских» [8] государствах, о «де-факто государствах» [9], «парагосударствах», «квазигосударствах» [10] и «непризнанных квазигосударствах» [11]. Часть из этих терминов также не совсем удачно передает смысл обозначаемого. Например, выражения «непризнанные», «самопровозглашённые» или «сепаратистские» государства не отражают внутреннего качества этих государств как вполне жизнеспособных политий. Более адекватными представляются термины «парагосу-

¹ В статьях Википедии эти страны сейчас обозначают как «страны, иногда причисляемые к Ближнему Востоку». См.: Большой Ближний Восток // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большой_Ближний_Восток (дата посещения: 12.04.2018), а также: Greater Middle East // Wikipedia. The free encyclopedia. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Greater_Middle_East (дата посещения: 12.04.2018).

дарства» и «квазигосударства»), но и они страдают известной двусмысленностью.

Термин «квазигосударства» (quasi-states) первоначально был предложен британским политологом Р. Джексоном для обозначения молодых постколониальных государств Африки, которые обрели формальное международное признание, но не обладали необходимыми ресурсами для государственного строительства [12]. Военно-политические и финансово-экономические источники властных режимов в этих государствах располагаются не внутри них, а где-то вовне. У таких государств есть все атрибуты государственности (герб, гимн, флаг, столица, национальная валюта, диппредставительство и т.д.), но правительственная власть распространяется в них только на столичный регион или только часть государственной территории, да и то не во всех сферах. Нынешний Афганистан – типичный пример такого признанного квазигосударства.

Однако в 90-е годы прошлого века термином «квазигосударства» стали обозначать в некотором смысле противоположный феномен: территориально-политические образования на постсоветском пространстве, которым не доставало международного признания, хотя внутри себя они вполне отвечали признакам суверенного государства, включая контроль над своей территорией [13]. В то же время в публицистике и научной литературе государства, признанные международным сообществом, но с явным дефицитом внутренней суверенности, стали именоваться как «неудавшиеся» (failed), «слабые» (weak) или «теневые» (shadow) государства [14]. Норвежский политолог П. Колсто предлагает оставить термин «квазигосударства» и за непризнанными, но состоявшимися государствами, дабы подчеркнуть момент их единства (при всей сущности их различий) с государствами признанными, но неудавшимися. Это единство выражается, по его мнению, в том, что оба типа государств располагаются на периферии международного государственного сообщества, представляя собой вызов его базовым соглашениям. К тому же часто они находятся на одной и той же территории, соотносясь друг с

другом как «материнское» государство и его сепаратистская «дочка». Более того, есть основания полагать, – замечает норвежский ученый, – что после обретения международного признания внутренняя консолидация многих таких квазигосударств может резко ослабнуть, а сами они – трансформироваться из непризнанных квазигосударств – в квазигосударства признанные [11]. К этому можно добавить, что некоторые из черт признанных квазигосударств встречаются и у непризнанных. О многих из них можно, например, тоже сказать, что львиную долю их бюджета составляют не налоги граждан, а вливания всевозможных внешних доноров (фондов и частных лиц). Сходным является и теневое распределение этих средств, в том числе среди представителей местной «политической элиты».

В данной статье мы, однако, сосредоточимся именно на тех аспектах, которые отличают непризнанные квазигосударства от тех формально признанных государств, которые на деле являются мнимыми, чисто виртуальными, неудавшимися государствами. С учетом этого акцента мы будем говорить о *де-факто государствах* или просто *непризнанных/частично признанных государствах*, употребляя эти выражения в нашем случае как синонимы. Под такими государствами мы будем понимать, вслед за британским политологом С. Пеггом, не просто разновидность, но «*инверсию* квазигосударств» [15]. Согласно Пеггу, де-факто государство возникает там, где имеется организованное политическое руководство, пришедшее к власти благодаря собственным способностям и при поддержке местного населения. Все де-факто государства располагают необходимым набором государственных символов (гимн, герб, флаг), своей конституцией, строят национальные музеи и мемориалы, развивают культ национальных героев и национальных лидеров.

За время существования непризнанных постсоветских государств исследовательский интерес к ним претерпел известную эволюцию. Если в 90-х годах эти государства рассматривались в основном в аспекте международных конфлик-

тов на территории бывшего СССР и геополитических интересов глобальных игроков, то в двухтысячные годы интерес исследователей постепенно смещается в сторону внутренней политики и внутренней легитимности самих непризнанных государств. Приходит общее понимание того, что для доброго будущего этих государств уровень развития их государственных институтов, в частности институтов демократии, играет не меньшую роль, чем их международные факторы. Более того, «на определенном историческом этапе «внутренняя легитимность» непризнанного государства может оказаться куда важнее международного признания» [16].

С. Маркедонов обращает в этой связи внимание на недостаточность принятых в западной политологии терминов для обозначения постсоветских непризнанных/частично признанных государств: *breakaway republics*, *separatist states* или *quasi-states*. «Таким образом, имманентно предполагается, что ‘отошедшие’ республики в перспективе могут ‘вернуться’, а квазигосударственность будет конвертирована в ‘настоящую’». Следствием подобного подхода стало рассмотрение всех внутриполитических процессов в де-факто республиках как явлений ‘временных’, ‘ненастоящих’, которые будут ликвидированы в тот самый момент, когда ныне существующий статус-кво будет нарушен, а статус ‘спорных земель’, напротив, будет определен» [17, с.11–12]. Между тем дело обстоит прямо наоборот, и в этом как раз заключается не просто юридическая ненормальность, но геополитическая аномальность данных политий. Но мы говорим именно об их *этногеополитической* аномальности, и с этим «этно» связано еще одно, *третье* условие их существования – особая связь этнических и геополитических факторов политического процесса как долговременная основа аномального положения данных территориально-политических единиц.

На эту связь, в частности, обращает внимание в своем исследовании проблем национальной безопасности российский политолог Д.В.Маковская. Свой концепт «этногеополитического фактора» она связывает с положением в полиэтни-

ческом государстве, где «некоторые этнические образования стремятся получить или присвоить себе статус геополитического субъекта, то есть обладающего таким уровнем государственности, который позволит им получить доминирующее право на использование стратегических ресурсов и выступать в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, в том числе и предъявляя претензии территориального характера» [18, с. 222]. Связь этнических и геополитических моментов носит здесь причинно-следственный характер, когда «зачастую именно этнополитическая конфликтность приводит к тому, что государства перестают выступать в качестве акторов геополитических отношений» [18].

Нельзя сказать, что квалификация постсоветских де-факто государств как политических аномалий является совсем уж новым словом в политической науке и практике. Можно для примера сослаться на азербайджанского политика и политолога Ниязи Мехти, который в свое время предложил «принцип аномалии» для решения карабахского конфликта. В частности, предлагалось: «Азербайджанская Республика, Республика Армения и две общины Нагорного Карабаха соглашаются, что регион конфликта является *внутриазербайджанской аномалией*, разрешаемой исключительно, *аномальными методами*. После принятия этого положения стороны апеллируют к международному сообществу с призывом рассматривать ситуацию *вне юрисдикции международных принципов, противоречащих сложившейся ситуации*» [19]. Независимо от того, что эта идея оказалась политически нереализуемой, в ней есть ценная попытка взглянуть на случай де-факто государства, как на случай политически аномальный, а потому требующий нестандартных подходов.

Далее, нельзя сказать, что в этногеополитической аномалии элемент «гео-» – исключительно подчиненный в отношении к элементу «этно-». Если фактор «гео-» не действует, то и «этно-» не срабатывает. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести пример, описанный известным социологом Григорием Дерлугьяном. Он обращает внимание на любопыт-

ный факт отсутствия серьезных пограничных конфликтов между Арменией и Грузией в период развала советского Союза, хотя исторический повод для этого был: в декабре 1918 г. Грузия и Армения воевали друг с другом из-за спорных пограничных территорий, населенных армянами и азербайджанцами. Дерлугьян объясняет это не только институционально-историческим фактором (данные территории в советский период не получили статус автономии), но также трезвым (гео-)политическим расчетом: «на фоне разгорающейся войны в Карабахе и Азербайджан, и Армения вполне разумно избегали ввязаться в новые конфликты» [20, с. 362].

К вопросу о генезисе этногеополитических аномалий.
К образованию этногеополитических аномалий ведут два непреложных условия: во-первых, активные процессы этнического самоопределения; во-вторых, резкие изменения в региональной и/или глобальной геополитике. Взаимодействие этих двух факторов рождает ситуацию, при которой стремящаяся к самоопределению полития получает возможность заявить о своем самоопределении (поскольку не допускавшая этого старая система геополитических координат уже не действует), но не может довести это самоопределение до конца, поскольку это исключает уже новая геополитическая ситуация. В результате, самоопределяющиеся политические образования оказываются в промежуточном, пороговом, а потому бесправном положении. Но за этим формальным статусом надо видеть серьезность и обоснованность претензий, то есть политическую аномалию как «самостоятельную политическую среду», а не просто фикцию, недоразумение и «ненормальность».

Когда собравшаяся в Беловежской пуще «группа товарищей» объявила в декабре 1991 года о ликвидации СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности», она тем самым констатировала распад биполярной структуры мировой политики, а вместе с ней – ялтинско-потсдамского мироустройства. Непризнанные постсоветские государства начала 90-х годов суть эффект этого распада. Пилар Бонет, корреспондент газеты «Эль Паис» в Москве, изыщ-

но и отчасти справедливо назвала непризнанные постсоветские государства «шлюпками, потерявшимися при ‘кораблекрушении’ империи» [21]. Но из довольно большого числа провозглашенных и непризнанных тогда на территории бывшего СССР квазигосударств жизнеспособными оказались лишь те, которые можно назвать *этногеополитическими аномалиями*. Их аномальность обнаруживается по отношению не к советской, а постсоветской геополитической системе, одним из принципов которой стало «признание границ между союзными республиками как границ между новыми государствами» [17, с.9]. Но этот юридический принцип изначально противоречил процессу этнического самоопределения, спровоцированному распадом СССР и основанному как раз на принципе национального самоопределения.

Равновесие этого принципа с принципом территориальной целостности ушло вместе с ялтинско-потсдамским миром, а нового равновесия еще не возникло. Постсоветские де-факто государства суть материализация требования такого нового равновесия, и в этом тоже состоит их геополитическая аномальность. Еще раз подчеркнем: де-факто государства суть выражение не только кризиса их «родительских» или «материнских» (parent state) государств; они суть также эффект противоречивости геополитической системы, в координатах которой они возникли и существуют в своем лиминальном статусе: как неустранимое и закономерное отклонение от существующей нормы, а не как простые чудачества или фикции вроде «микространств» (микронаций). Этногеополитическая аномалия всегда свидетельствует об объективной ограниченности и временности существующего мироустройства. Основная же причина их появления – не просто процесс этнического самоопределения, а его противоречие с принципом территориальной целостности, который закрепляет исторически меняющиеся границы геополитических зон влияния.

Если мы возьмем все три закавказских де-факто государства, то везде увидим, в момент их провозглашения, одно и то же противоречие между принципом этнического (националь-

ного) самоопределения и принципом территориальной целостности. Но было бы упрощением считать, что это противоречие возникает лишь в силу эгоизма этнических элит, которые жаждут во что бы то ни стало добраться до министерских портфель в новых политиях, отколовшихся от материнских государств. Здесь произошло то, что в 1990 году предвидел Э. Хобсбаум. Он уже тогда замечал, что новые национальные государства, возникающие из республик социалистических федераций вроде СССР и Югославии, держат курс на этническую (языковую, религиозную и т.д.) монолитность, что «приводит к возникновению автономистских и сепаратистских настроений среди меньшинств в такого рода националистических государственных образованиях, а также к тому, что лучше всего называть не ‘балканизацией’, а скорее ‘ливанизацией’» [22, с. 295].

Последующий политический процесс на территории бывшего СССР подтвердил прогноз британского классика. Конечным (и трагическим для всех участников событий) результатом этого процесса «ливанизации» стали взаимные этнические чистки. Как писал в середине 2000-х годов российский политолог В.В. Черноус, «непризнанные государства Южного Кавказа возникли вследствие распада СССР, дискриминации национальных меньшинств в мини-империях Азербайджана и Грузии, шовинистической политики утвердившихся в них этнократических режимов. Абхазы, южные осетины и армяне Нагорного Карабаха отстаивали свой внутренний суверенитет в ходе гражданских войн с метрополиями на основе практически всеобщего самоопределения в форме этнонациональных государств. В результате гражданских войн ... произошли практически этнические чистки непризнанных государств от представителей титульных народов бывших метрополий. Большинство из них стали, по существу, заложниками и жертвами политики своих правящих этнократических элит» [23, с.6].

С. Маркедонов указывает на эту обоюдную ответственность сторон этнополитического конфликта в образовании за-

кавказских де-факто государств – Абхазии, Южной Осетии и Арцаха. Например, он замечает в случае Абхазии: со стороны абхазов в основу их непризнанной государственности были заложены «сильные элементы этнократии» (когда основной задачей становилось удержание «своей территории» и обеспечение внутри нее своего полного политического, социально-экономического и идеологического доминирования») [17, с. 66–67]. С другой стороны, «новые грузинские власти парадоксальным образом идеологически подыгрывали абхазским лидерам и провоцировали сецессию» [17, с. 61]. Для грузин «абхазский сепаратизм» уже в эпоху перестройки «был зарифмован с ‘российскими происками’, причем между СССР и Россией в разных формах ее политического бытия серьезных различий это определение не делало» [17, с. 57]. Вместо того чтобы гарантировать абхазам культурно-территориальную автономию в «демократической Грузии», Военный совет Грузии 21 февраля 1992 г. отменил все законодательные акты советского периода, в том числе Конституцию Грузинской ССР 1978 г., предоставлявшую абхазам особый политико-правовой статус в виде Абхазской АССР. По словам Г. Дерлугьяна, «крупнейшие течения нововозникшего грузинского гражданского общества (*читай: грузинского национализма – С.П.*) требовали упразднения национальных автономий, которые в их глазах выглядели навязанным безбожными большевиками имперским институтом, воплощавшим принцип ‘разделяй и властвуй’» [20, с. 362]. Аналогичным образом, в октябре 1991 года Баку не только отменил Нагорно-карабахскую автономию, но сопроводил это символическим жестом, переименовав столицу Нагорного Карабаха из официального советского «Степанакерт» в тюркское «Ханкенди» [17, с. 122].

Руководители закавказских непризнанного Арцаха и частично признанных Абхазии и Южной Осетии обнаруживают способность достаточно продолжительное время обеспечивать работу госучреждений и госконтроль на данной территории, включая монополию на легитимное применение насилия. Сверх того, эти государства считают себя территориально-

политическими единицами, способными вступить в дипломатические отношения с другими государствами, а потому добиваются международного признания в качестве независимого суверенного государства [15]. И хотя эти де-факто государства, не получая такого признания, вынуждены испытывать из-за этого значительные логистические и прочие трудности, они не разрушаются. По мнению П. Колсто, главной причиной жизнестойкости де-факто государств является то, что им удалось заручиться внутривнутриполитической поддержкой их местного гражданского сообщества посредством пропаганды и формирования национальной идентичности [11, с. 723].

Этногеополитическая аномалия имеет, таким образом, *национальное* измерение: секрет существования де-факто государств – во внутренней легитимности их режимов, что объясняется складывающимися в них нациями. Но суть этого национализма можно понять только в контексте феномена этногеополитической аномалии, и наоборот: эту последнюю надо понимать с обязательным учетом процессов нациогенеза в де-факто государствах (этим они как раз отличаются от просто непризнанных государств). Особая потребность во внутренней легитимности в условиях дефицита легитимности внешней заставляет лидеров непризнанных государств в известной мере развивать (или поддерживать) демократический процесс.

(Хотя этот момент существенно зависит от политического контекста их взаимодействия с «государствами-спонсорами» и «материнскими государствами», а потому не всегда проявляется). В этой связи мы считаем принципиально ложным тезис о несовместимости понятий «демократизации» и «непризнанного государства». Но демократического процесса, понятого как простой набор соответствующих процедур, конечно, было бы недостаточно, чтобы поддерживать стабильно высокий уровень внутренней легитимности непризнанных государств. Да и не следует ожидать, что стандарты политической легитимности, реально действующие в де-факто государствах, будут непременно соответствовать западным нормам демокра-

тии. Но речь идет именно о национальной демократии, предполагающей строительство сильной национальной идентичности. Именно это некоторые исследователи считают общей и важной чертой, присущей всем постсоветским де-факто государствам [24, с. 205].

Геополитическая идиома против геополитической аномалии: вариант для Южного Кавказа? Этногеополитические аномалии означают, что для их исчезновения (соответственно, решения этнополитических проблем, за ними стоящих) в существующей системе геополитических координат нет никакой возможности. Они для нее – камень преткновения. Соответственно, они могут быть решены только в иной системе, идущей на смену существующей. Выражаясь библейским языком, эти аномалии суть камни, отброшенные существующей геополитической системой, но в новой системе они встанут во главу угла. И у них нет иного пути, кроме как работать на такое будущее; функция у них такая: служить триггерами системных геополитических перемен.

Новая система геополитических координат предполагает гораздо более высокий, чем ныне, уровень интеграции на постсоветском пространстве. Этот уровень должен быть по факту доведен до уровня СССР и, возможно, даже превзойти этот уровень (что не исключает национального суверенитета государственных единиц, в него вовлеченных). Такой уровень взаимодействия, который может вообще не маркироваться границами какого-то провозглашенного союза государств и тем более общего государства, мы называем *геополитической идиомой*, т. е. фактическим сращением самых разных интересов государств, выступающим ключевым фактором их внешней политики.

Мы сознательно используем здесь лингвистический термин «идиома», дабы подчеркнуть естественный и фундаментальный характер подразумеваемого нами политического единства, образующегося как эффект длительной социальной коммуникации поверх ситуативных целей и меняющихся стратегий политических игроков. С учетом негативных моментов

существующих ныне военно-политических и политико-экономических союзов вроде НАТО, ЕС, ЕАЭС и т.п., а также растущего динамизма и неопределенности мировой политики, будущее, видимо, будет за неформальными и вместе с тем достаточно прочными социально-политическими сращениями. *Геополитическая идиома есть неформальный, обусловленный факторами географической и культурной среды способ структуризации международного политического пространства.* Развитие концепта геополитических идиом не входит в задачи данной статьи. Укажем только, что метафорическое расширение смысла геополитических отношений за счет сравнения с языком сулит в случае с «идиомой» неплохое приращение знания. В особенности, если учесть такие свойства идиомы, как семантическая цельность (значение идиомы не вытекает из смысла составляющих ее слов); незаменимость слов, составляющих идиому, а также трудность либо невозможность ее перевода на другой язык. Все эти черты допускают перекодировку в терминах геополитических отношений.

С позиций этногеополитических аномалий это может означать такой уровень взаимодействия, когда членство в большом региональном геополитическом сращении таких де-факто государств, как НКР или Абхазия, сделает несущественным их юридический статус (останутся ли они де-факто независимой территорией или примкнут к «материнскому» государству). В геополитическую идиому, в рамках которой возможно разрешение карабахской, южноосетинской и абхазской этногеополитических аномалий, обязательно должны входить, помимо России и закавказских государств, Иран, Турция, Сирия, Ирак и, возможно, еще ряд государств. Только в этом случае геополитические аргументы окажутся сильнее аргументов юридических, религиозных, этнических, лингвистических. Примером этого уже сегодня может служить Иран, для которого в указанном регионе «геополитика оказывается сильнее мусульманской солидарности и идей распространения исламской революции» [25].

Такой взгляд на вещи требует ревизии многих устоявшихся подходов. Внутри России и закавказских государств это предполагает, прежде всего, ослабление этнонационалистической составляющей политики, всякого рода этнократических и узкорегиональных ориентаций. Именно из-за них для Южного Кавказа ныне «характерно, что государства этого региона проводят диаметрально разную политику в вопросах безопасности и примыкания к альянсам и силовым центрам» [26, с. 13]. Образование геополитической идиомы на территории вокруг Южного Кавказа предполагает развитие у местных политических элит способности к диалогу – желанию поставить себя на место другого, тем самым понять его, и на этой основе предложить взаимовыгодную стратегию сотрудничества.

Такая стратегия важна не только для закавказских де-факто государств и их метрополий, но также для РФ. То, что в свое время В. Тишков изящно назвал «менеджментом возрастающей слабости России» [25], было на самом деле гибельной для РФ стратегией, уже тогда предполагавшей сразу несколько сценариев ее распада. Впрочем, В.А. Тишков был прав, когда писал (хотя и не без сожаления), что восстановление Россией традиционной сферы влияния в регионе Закавказья «противоречит не только экономическим, но и политическим и военным интересам Запада», поскольку тем самым «создается плацдарм для широкого проникновения России на Ближний и Средний Восток, блокирования с недружественными США режимами – иранским, иракским и сирийским, вновь появляется угроза для Турции и т.п.» [25]. Примерно так события сейчас и развиваются, что для России, однако, может оказаться отнюдь не фатальным сценарием.

РФ как самая большая по территории и сильная в экономическом и военном отношении страна региона сможет стать драйвером образования геополитической идиомы вокруг Южного Кавказа, но для этого ей надо провести масштабную модернизацию не только своей армии, но всей политической и экономической системы. Необходимо включить механизмы гражданского общества и реализовать крупные проекты в рам-

ках долгосрочного стратегического планирования, с привлечением субъектов политической и экономической деятельности из Черноморско-Каспийского региона. Чтобы стать центром притяжения для соседей, Россия должна, прежде всего, сама стать территорией российской гражданской нации как именно политической, а не просто «культурно-цивилизационной» общности. Одним словом, Россия должна прорасти в закавказском регионе своей «мягкой властью» – «способностью страны делать так, чтобы “другие государства хотели того, что хочет она”, за счет привлекательности ее культуры и идеологии» [27]. Но от такой роли нынешняя РФ еще далека – с учетом актуального состояния, в том числе ее гуманитарной сферы. Причем чтобы приблизиться к такой роли, российскому политическому руководству следует с осторожностью брать на вооружение известную сентенцию С. Хантингтона: «Мягкая власть становится властью, только когда в ее основании лежит жесткая власть» [28, с. 133]. В прошлом веке этот принцип работал, а вот в наступившем – не факт: элементы, составляющие основу мягкой власти, становятся в тенденции и частью власти жесткой («аматериальный труд», «гибридная война» и т.п.).

Уже сейчас перспектива образования геополитической идиомы на территориях вокруг Южного Кавказа требует критического отношения к образу (часто, впрочем, надуманному) российской политики как «неоимпериализма», «ревизионизма» и т.п., а ведь в духе такого образа в значительной мере воспитано первое постсоветское поколение новых закавказских государств. Реабилитация «имперскости» внутри самой России, со своей стороны, усиливают эту негативную тенденцию. В противоположность таким тенденциям, упомянутая геополитическая идиома будет образовываться в значительной мере снизу, прорастая из структур низового сотрудничества – не только государственной, но и народной дипломатии. Этнократические и авторитарные режимы с такой стратегией не совместимы. С учетом сказанного, образование упомянутой геополитической идиомы – это перспектива на многие десяти-

летия вперед и притом без всяких гарантий на конечный успех. Но успех этот необходим, ибо только геополитическое сращение может разорвать порочный круг, в который заключена любая этногеополитическая аномалия: «замороженные конфликты препятствуют устойчивому развитию пострадавших государств и обществ, в то время как политическая и экономическая нестабильность, в свою очередь, делает невозможным конструктивное урегулирование конфликтов» [29].

Удивляет, однако, насколько односторонним образом зарубежные авторы толкуют процессы, стоящие за образованием постсоветских де-факто государств. Основную причину они видят в «ревизионистских чертах» российской политики на постсоветском пространстве. Как утверждает эксперт германского научно-разведывательного фонда «Наука и политика» Сабина Фишер, «за последние десять лет замороженные конфликты стали важным инструментом все более ревизионистской политики России в отношении ее соседей» [30, с. 6]. Об упомянутой выше (вслед за Э. Хобсбаумом) «ливанизации», провоцируемой руководством постсоветских государств в погоне за этнической, религиозной и языковой «чистотой», немецкий автор предпочитает не упоминать.

Еще более односторонними и научно недобросовестными представляются попытки внушить мысль, что якобы ни одно из непризнанных постсоветских государств «не вписывается в новый набор нормативных критериев, применяемых в случае Косово, и что они являются лишь геополитическими аванпостами российской внешней стратегии поддержания контролируемой нестабильности» [31, с. 59]. Но систематической ревизией международного правового и геополитического порядка, начиная с 1989 года, занимался, прежде всего, западный военно-политический альянс. Все эти годы он стремился к гегемонии в однополярном мире, открыто преследуя стратегию «управляемого хаоса» везде, где существующие стабильные структуры, прямо ему неподконтрольны. Российский политический класс начал по-настоящему реагировать на эту политику лишь после 2004 года. Речь российского президента на

Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году – наиболее известный маркер этой реакции. Концепция многополярного мира предполагает образование целого ряда больших геополитических идиом, способных организовать относительно бесконфликтные зоны международного взаимодействия.

Библиографический список

1. *Преображенский И.* Взаимоотношениям России и Беларуси пророчат дальнейшие потрясения / И. Преображенский // Эксперт. 2017. 09 января. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.expert.ua/novosti/13140/118-vzaimootnosheniyam-rossii-i-belarusi-prorochat-dalnejshe-potryaseniya/> (дата обращения: 11.04.2018).

2. *Стоякин В.* Почему Крым никогда больше не вернется на Украину / В. Стоякин // ИА REGNUM. – 2015. 29 июня. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1937841.html> (дата обращения: 12.04.2018).

3. *Баденков Ю.П.* Большая Игра продолжается... / Ю.П. Баденков // Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. – М.: Рипол Классик, 2004. – С. 11–17.

4. *Georgescua S.* Geopolitical Changes in Caucasus After 1991 / S. Georgescua, T. Garayev // Journal of Institute of Social Sciences. – 2013. – Vol. 3. – No 2. – P. 123–151.

5. *Маркедонов С.* Де-факто государства — общее и особенное / С. Маркедонов // Общая тетрадь. – 2008. – № 2 (45). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-734.html> (дата обращения: 14.03.2018).

6. *Perthes V.* America's «Greater Middle East» and Europe: Key Issues for Dialogue / V. Perthes // Middle East Policy. – 2004. – Vol. XI. – No. 3. – P. 85–97.

7. *Kolossov V.* Pseudo-states as harbingers of a post-modern geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic / V. Kolossov, J. O'Loughlin // Boundaries, Territory and Post-modernity / D. Newman (eds.) – London: Frank Cass, 1998. – P. 151-176.

8. *Lynch D.* Separatist States and Post-Soviet Conflicts / D. Lynch // International Affairs. – 2002. – No. 78(4). – P. 831–848.

9. *Pegg S.* International Society and the De Facto State / S. Pegg. – Aldershot: Ashgate, 1998. – 306 p.

10. *Cornell S.* Kvasistater i Eurasien [Quasi-States in Eurasia] / S. Cornell // Nordisk Ostforum. – 2003. – No. 17 (2). – P. 209–222.

11. *Kolstø P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States / P. Kolstø // Journal of Peace Research. – 2006. – Vol. 43. – No. 6. – P. 723–740.

12. *Jackson R.* Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World / R. Jackson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 225 p.

13. *Bridge R.* Powell Visit: A Thaw in U.S.-Russian Relations? / R. Bridge // Moscow News. – 2004. July 9.

14. *Beissinger M.* Beyond State Crisis? Postcolonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective. Washington, DC: Woodrow Wilson Center / M. Beissinger, Y. Crawford // John Hopkins University Press, 2002. – 539 p.

15. *Pegg S.* De Facto States in the International System. Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper No. 21. February 1998. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liu.xplorex.com/sites/liu/files/Publications/webwp21.pdf> (дата обращения: 16.03.2018).

16. *Крылов А.* Непризнанные государства: важна «внутренняя легитимность» / А. Крылов // Аналитикон. Март 2012. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://theanalyticon.com/?p=1550&lang=ru> (дата обращения: 14.04.2018).

17. *Маркедонов С.* Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства / С. Маркедонов // Аналитические доклады Института Кавказа. – 2012. № 5 (январь). – Ереван: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.

18. *Маковская Д.В.* Этногеополитические факторы национальной безопасности / Д.В. Маковская // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Вип 145/2013. Серія Політологія. – Севастополь, 2013. – С. 219–223.

19. *Абасов А.* Варианты решения карабахского конфликта идеи и реальность / А. Абасов, А. Хачатрян. – Баку: Изд. дом ЛТД «Ени Несил», 2002. – 38 с. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://miris.euras.edu/mugs2/do/blob.pdf?type=pdf&serial=1151923058147> (дата обращения: 15.04.2018).

20. *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в мироточеской перспективе / Г. Дерлугьян // Авториз. пер. с англ. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 560 с.

21. *Бонет П.* Непризнанные ... / П. Бонет // Общая тетрадь. – 2008. – № 2 (45). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://otetrad.ru/article-734.html> (дата обращения: 14.03.2018).

22. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 308 с.

23. *Черноус В.В.* Непризнанные государства южного Кавказа: региональные версии глобального процесса / В.В. Черноус // Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 29. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2005. – С. 3–8.

24. *Steinsdorff S. von.* Incomplete state building – incomplete democracy? How to interpret internal political development in the post-Soviet de facto states. Conclusion / S. von. Steinsdorff // Communist and Post-Communist Studies. – 2012. – Vol. 45. – No. 1–2. – P. 201–206.

25. *Тишков В.А.* Кавказ в геополитическом измерении / В.А. Тишков // Блог В.А. Тишкова. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira_/kavkaz_v_g.html (дата обращения: 15.04.2018).

26. *Оганян С.* Международная и региональная военно-политическая ситуация / С. Оганян // 21-й ВЕК. Информационно-аналитический журнал. – 2014. – № 1 (30). – С. 9–18.

27. *Nye J.S.* The Changing Nature of World Power / J.S. Nye // Political Science Quarterly. – 1990 (Summer). – Vol. 105. – No. 2. – P. 177–192.

28. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.

29. Issues and Recommendations / S. Fischer // Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine Stiftung «Wissenschaft und Politik». Berlin: SWP Research Paper. September 2016. – P. 5–8.

30. *Fischer S.* Russian Policy in the Unresolved Conflicts // Not Frozen! The Unresolved Conflicts over Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh in Light of the Crisis over Ukraine / S. Fischer (ed.) / Stiftung «Wissenschaft und Politik». Berlin: SWP Research Paper. – 2016 (September). – P. 9–23.

31. *Riegl M.* Geopolitics of Secession: Post-Soviet De Facto States and Russian Geopolitical Strategy / M. Riegl, B. Doboš // Central European Journal of International and Security Studies. – 2018. – No. 1. – P. 59–89.